

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ

В 1570 году кроме казней проходили и другие события. В Москву прибыло польско-литовское посольство, основной целью которого было заключение перемирия между державами. Несмотря на некоторые «недоразумения», выразившиеся в конфликтах между посольской свитой и русскими, удалось подписать соглашение о трехлетнем перемирии. Но во время этих переговоров произошло и еще одно событие, позволившее Грозному выступить как знатоку церковных вопросов и защитнику православной веры.

Дело в том, что в составе посольской свиты находился некий Ян Рокита, пастор общины чешских братьев, который должен был проводить богослужения для находящихся среди свиты послов протестантов. В это время среди польско-литовской шляхты широко распространились различные реформационные учения. Рокита был образованным человеком, обладал искусством оратора, знал славянский язык, неоднократно участвовал в спорах о вере. 10 мая 1570 года состоялся диспут между пастором и Иваном IV. На нем присутствовали королевские послы и русские бояре. Царь позволил Роките говорить прямо и откровенно, не опасаясь опалы, внимательно выслушал его речь, задал вопросы для разъяснения некоторых моментов. Затем Грозный попросил записать основные положения учения и обещал дать письменный ответ.

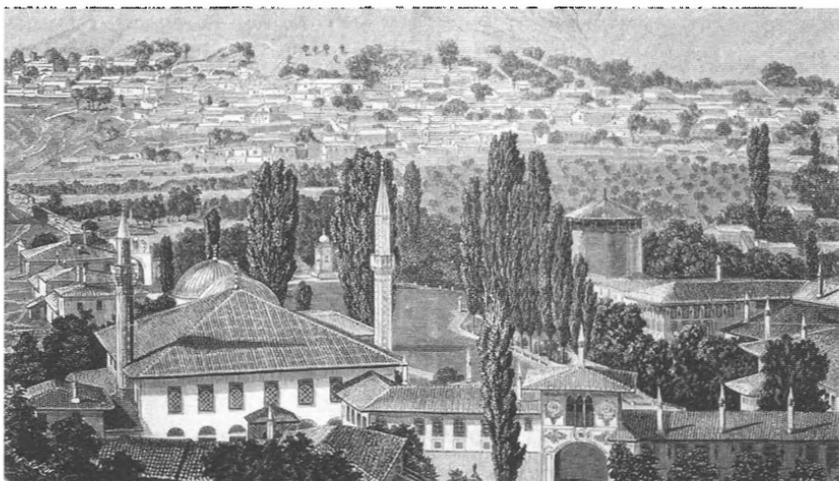
Остается только удивляться работоспособности монарха, который среди следствия о новгородской измене нашел время для написания

пространного ответа Роките, который был готов уже в июне 1570 года. Ответ выделяется из прочих сочинений царя, что определяется его жанром — прение о вере, хотя и носит черты индивидуального стиля. Ответ состоит из отдельных «слов», каждое из которых опровергает положение оппонента. Иван IV широко использует тексты Ветхого и Нового Заветов, историческую литературу, сочинения Отцов церкви. В заключительном четырнадцатом слове Грозный подтверждает, что не собирается накладывать опалу на собеседника, но называет Рокиту еретиком и слугой Антихриста, запрещает проповедовать протестантское учение в России и молит Бога «дабы нас, российский род, сохранил от тмы неверия вашего»*.

Заключенное с Речью Посполитой перемирие позволило развязать руки для борьбы со Швецией, удерживающей в Прибалтике важнейший город Ревель и несколько других городов северной Эстонии. Международная ситуация складывалась благоприятно для России — Швеция вела войну с Данией, на помощь флота которой русское правительство сильно рассчитывало. Командовать армией должен был король Ливонии, царский «годовник» (вассал) Магнус — брат датского короля. Ближе к концу августа 1570 года началась осада Ревеля. Сил у Магнуса было явно недостаточно для штурма города, он больше полагался на переговоры, стремясь добиться от ревельских властей выдачи шведского гарнизона, обещая взамен всяческие блага горожанам. Вскоре осенью к Ревелю подошли земские и опричные отряды. Они не особо отличились на поле боя, но страшно разграбили окрестности города. Понимая, что подобное поведение не поможет взять город, Магнус добился отзыва главных русских воевод И. П. Яковлева и В. И. Умного-Кольчева.

В январе 1571 года к стенам Ревеля прибыла тяжелая осадная артиллерия, которая и должна была заставить ревельцев капитулировать. Но обстрел города не дал ощутимых результатов. Датский флот, на помощь которого русские политики очень рассчитывали, так и не появился у берегов Эстонии. Это позволяло шведам поддерживать снабжение города на хорошем уровне. Кроме того, в порт приходили и суда из других стран. Вскоре оказалось, что Дания и Швеция заключили мир, все надежды на помощь флота окончательно испарились. В довершение всех неприятностей, в осажденном Ревеле

* Ответ Яну Роките // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. С. 218–277.

Бахчисарай, столица Крымского ханства
Гравюра XIX в.

вспыхнула эпидемия чумы, вскоре перебросившаяся и в русский лагерь. В таких условиях в середине марта 1571 года осада города была снята.

Пока большая часть русской армии была задействована в Прибалтике, снова осложнилась ситуация на южных границах. Провал похода на Астрахань в 1569 году не остановил крымскую агрессию. Единственное отличие было в том, что основные силы турецкой армии были заняты в Европе. Удар наносили войска хана Девлет-Гирея, которому удалось разгромить царского кавказского вассала и родственника князя Темрюка. После этого часть черкасских князей перешла на сторону крымцев. Еще в 1570 году татары совершили крупный набег на южные окраины Русского государства. Войска во главе с царем вышли к Оке, но хан ушел в Крым. После этого одному из лучших русских полководцев князю Михаилу Воротынскому было предписано разработать правила несения сторожевой и станичной службы для предотвращения неожиданных набегов с юга. Однако это в полной мере в короткий срок сделать не удалось.

На следующий, 1571 год, Девлет-Гирей предпринял новый поход, в котором участвовали все силы Крымского ханства, отряды ногайских татар и некоторых черкасских князей. Вероятно, хан первоначально не думал прорываться в центр России, а рассчитывал, как обычно, пограбить пограничные уезды южнее Оки, на которой находилась русская армия во главе с князем Бельским. В район Серпухова

выступали и опричные полки с самим Грозным. Однако все в действительности сложилось совсем по-другому.

На сторону татар перебежала группа детей боярских, которые сообщили хану о том, что на Москве людей нет, защищать ее некому, войск с Грозным мало, армия деморализована опричным террором, а большая часть войск находится в Прибалтике. Получив эти сведения, Девлет-Гирей прорвался в центральные районы страны (впервые за несколько десятилетий). Дорогу татарам указал сын боярский Кудеяр Тишенков, по его совету крымские войска переправились через реку Угру по броду, который не охранялся русскими воеводами. Такое развитие событий оказалось крайне неожиданным для нашего командования. Грозный, подходивший с опричной армией к Серпухову, ничего не знал о таком маневре крымцев.

Русская армия, находившаяся на Оке, могла быть полностью отрезана от столицы. В таких условиях воеводы стали отходить к Москве. Панику усиливало и то, что, по слухам, в составе крымского войска оказался князь Темрюк, вассал Ивана IV. В то же время его сын, князь Михаил Черкасский (брат покойной царицы Марии Темрюковны) командовал одним из полков опричной армии и возглавлял опричную Думу. Царь в ярости приказал казнить Михаила. Впоследствии, когда выяснилось, что Темрюк сохранил верность России и в походе не участвовал, официально было объявлено, что этот воевода пропал без вести во время нашествия, хотя его имя находится в Синодике опальных.

Грозный решил покинуть войска и вместе с опричниками уйти на север, в район Ростова. Это позволило Курбскому назвать монарха «бегуном и хоронякой». Официальная версия говорила о том, что царь не «успел собраться с людьми». Через несколько лет, в беседе с литовскими дипломатами, Иван IV объяснял подобный шаг опасением измены со стороны своих воевод, которые не предупредили его об угрожающей опасности.

23 мая русские воеводы подошли к Москве и приготовились к обороне. Татары подошли в окрестности столицы в тот же день. Хан разбил ставку у села Коломенского. Произошли стычки между войсками, во время одной из них главнокомандующий Иван Дмитриевич Бельский был ранен. На следующий день, 24 мая 1571 года, татары не стали штурмовать город и вступать в битву, а подожгли не защищенные стенами предместья столицы. С утра была ясная и тихая погода, но внезапно подул ветер и пламя быстро перекидывалось

с одного здания на другое. За три часа город сгорел. Взорвались запасы пороха, были разрушены значительные участки стен в Кремле и Китай-городе. По свидетельствам иностранцев, пожар уничтожил сорок тысяч дворов и около двухсот тысяч человек. Даже если эти сведения преувеличены, то в любом случае результаты нашествия были катастрофичны. Руководство Сергиева монастыря во главе с архимандритом по собственной инициативе в память о жертвах набега специально учредило «корм меньшей». На своем дворе задохнулся раненый Бельский, погибло огромное количество народа не только от огня и дыма, но и от страшной давки. Среди прочих построек сгорел и опричный дворец царя. Серьезно пострадали здания в Кремле и Китай-городе. Спустя годы после этого пожара английский посол Флетчер записал по рассказам об этом пожаре: «Сам город неприятель не взял, но зажег его предместья, которые состоя из деревянных строений, без камня, кирпича или глины, кроме немногих наружных покоев, сгорели с такой быстротой, и огонь так далеко распространился, что в четыре часа не стало большей части города, имеющего до тридцати миль или более в окружности. Зрелище было ужасное: в сильном и страшном огне, обнявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах; но еще более погибло тех, которые хотели пройти в самые дальние от неприятеля ворота, где собравшись отовсюду в огромную толпу и перебивая друг у друга дорогу, так стеснились в воротах и прилежащих к ним улицах, что в три ряда шли по головам один другого и верхние давили тех, которые были под ними». После сожжения Москвы татары ушли в степи, разорив некоторые центральные и южные уезды России*.

По сообщению Горсея, бежавший от нашествия царь, «сильно расстроенный и пораженный постигшим его несчастьем... имея среди сопровождавших митрополитов, епископов, священников, главных князей и старинную знать, послал за ними и созвал их на царский совет, а когда враг ушел, он распустил свою армию... допрашивал, пытал, мучил многих воевод и главных военачальников, приговорил некоторых к смерти, конфисковал их добро и землю, разорил их роды и семьи, выпустив указ об очистке, отстройке и заселении Москвы, — трудным было обсуждение всего этого». Действительно, в ближайшее время репрессии обрушились на некоторых воевод, в основном из опричнины. Самым видным из казненных был опричный

* ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 69, 114—115; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 89—90.

Строительство Собора Василия Блаженного на Красной площади
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

боярин, руководитель следствия по делу митрополита Филиппа князь Темкин. По свидетельству Штадена, его утопили. Казнен был его сын и некоторые другие лица*.

Основной задачей было восстановление столицы. Была проведена очистка города и принята специальная строительная программа, согласно которой дома можно было строить только внутри укреплений для избежания повторений случившегося. Из многих городов Русского государства происходило переселение купцов в Москву, так десятки семей были выведены из Великого Новгорода. В будущем это привело к подрыву провинциальной торговли. Новым москвичам давали льготы на несколько лет в уплате налогов и обязывали строить дворы.

Однако главное для царя заключалось в том, чтобы объяснить жителям России, как стало возможным столь разрушительное нашествие. Для Грозного причина была понятна — измена подданных. Но реальные изменники — дети боярские — казались ему лишь пешками в игре более крупной дичи — бояр и собственных приближенных. Пока

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 55; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 544.

он не знал настоящих «предателей», был найден их фиктивный «заместитель» — старший боярин, царский родственник князь Иван Федорович Мстиславский, которого обвинили в том, что он вместе с сообщниками «навел» татар на Москву. Князь признался и в измене в пользу Крыма, и в вероотступничестве. Несмотря на столь тяжкие обвинения, Мстиславский не был казнен, не были конфискованы и его огромные земельные владения. За опального поручилось высшее духовенство во главе с митрополитом Кириллом и большая группа служилых людей. Очевидно, что обвинения, выдвинутые против боярина, и при более мягком правителе вели к смертной казни. Едва ли церковники посмели бы просить за подобного «вероотступника» без прямой санкции самого Ивана IV. Поэтому очевидно, что опала и обвинения в измене имели фиктивный характер. Вскоре Мстиславский оказался на одном из важнейших постов — воеводой в Великом Новгороде.

Признание и прощение Мстиславского не означали того, что Грозный снял подозрения в измене с других членов Боярской думы и лиц своего окружения. Следствие проходило несколько лет: до наших дней сохранился протокол допроса неких Кости и Ермолки (русских пленников, вернувшихся из Крыма). Под пыткой они показали, что изменниками являются Шереметевы, Мстиславский и Воротынский, по наводке которых хан и совершил нашествие. Бояре же специально испортили московские пушки. Причем Иван Васильевич сам подсказывал допрашиваемым имена и фамилии виднейших бояр и руководителей своего правительства. Возможно, что некоторые из упоминаемых царем лиц находились здесь же в пыточном застенке*.

Крымское нашествие сильно повлияло и на международное положение России. Девлет-Гирей отправил к Грозному посольство. Вместо обычных дипломатических подарков татары преподнесли царю нож, что было явным оскорблением и вопиющим нарушением этикета. В своем послании хан требовал немедленной уступки Казани и Астрахани и выплаты дани, угрожая в случае невыполнения своих требований новым нашествием. По рассказу летописи, Грозный при приеме послов вырядился в простую баранью шубу, так же были одеты и все русские бояре. На требования Девлет-Гирея было заявлено: «Видишь

* Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. С. 561—565; Допрос царем Иваном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // Чтения Общества истории и древностей Российских. 1912. Кн. 2. С. 26—33.

де меня, в чем я? Все же мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!»*. В действительности, на переговорах русская сторона первоначально была готова пойти на серьезные уступки — отказаться от Астрахани. Но хан требовал и Казань. Переговоры были сорваны.

Одновременно шла расправа с видными опричниками. Вслед за Басмановыми, Вяземским, Черкасским, Темкиным со сцены сошли Федор Салтыков и его двоюродный брат Лев Салтыков, возглавлявший опричный Дворцовый приказ, боярин Чеботов, думные дворяне Воронцов и Петр Зайцев, повешенный на воротах собственного дома. Вероятно, расправа с опричной гвардией первого призыва была задумана Грозным еще до майской катастрофы 1571 года Штаден пишет, что царь в конце концов возмутился беззастенчивым грабежом, который творили опричники, прикрываясь своей близостью к монарху: «По своей прихоти и воле опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: “Довольно!”. Все жалобы земских на опричников были собраны, и по ним началось расследование. Опричники должны были выплатить земским огромные суммы, но «это решение пришлось не по вкусу опричникам. Тогда великий князь принялся справляться с начальными людьми из опричнины... Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников. Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все челобитья, судные списки и расписки, земские остались в убытке»**. Места казненных и сосланных опричников быстро заняли другие люди, причем многие из них принадлежали к титулованной знати. В опричную Думу входят князья Пронский (родственник репрессированных), Хованский (родня княгини Ефросинии, матери Владимира Андреевича Старицкого), Одоевский (его сестра была женой Старицкого и казнена вместе с ним), Трубецкой, Шуйский. Но наибольшей близостью к Грозному пользовался не игравший в момент учреждения опричнины особой роли Малюта Скуратов. Он был думным дворянином и дворовым воеводой (на этот пост назначались только самые близкие к монарху люди), участвовал в ответственных дипломатических переговорах. Малюта получал один из самых больших при дворе денежных окладов. Породниться со

* ПСРЛ. Т. 34. С. 191–192.

** Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 55–56.

всесильным Скуратовым (происходившим из мелких служилых людей) мечтали многие представители аристократии. Его дочери вышли замуж: одна — за князя Дмитрия Шуйского, другая — за молодого Бориса Годунова, третья — за князя Глинского.

Кроме внешнеполитических проблем и борьбы с изменой и злоупотреблениями в ближайшем опричном окружении, Грозный думал и о своей личной жизни. Царь решил вступить в третий брак. После проведенных смотрин и врачебного осмотра выбор монарха остановился на дочери коломенского дворянина Василия Собакина Марфе. Свадьбу сыграли в Александровской слободе 28 октября 1571 года. Отец невесты стал боярином, а несколько близких родственников — окольничими. Обращает на себя внимание то, что на свадьбе почти полностью отсутствовала знать, зато широко были представлены Собакины. Важную роль играл и Малюта Скуратов, бывший вместе с Борисом Годуновым дружкой царицы. Борис Годунов и в мыльне с царем мылся вместе с родственником Скуратова Богданом Бельским*. Третий брак был самым коротким — через две недели после свадьбы царица Марфа скончалась. По традиции, Грозный посчитал, что его молодая жена была отравлена изменниками.

В декабре 1571 года, спустя почти два года после свержения Пимена, новгородским архиепископом был поставлен Леонид, занимавший до этого пост архимандрита Чудова монастыря в Москве. Выдвижение на столь ответственный пост показывает, что Леонид пользовался полным доверием Грозного. В конце 1571 года царем было принято решение о начале войны со Швецией. Предстоящие операции на границах Новгородской земли требовали благословения местного духовенства. Кроме того, Новгороду суждено было стать одной из царских резиденций — еще в 1570 году власти приступили к сооружению Государева двора. Присутствие в городе правителя требовало и наличия достаточно высокопоставленного духовного лица. В конце декабря 1571 года новый архиепископ прибыл в город. Буквально на следующий день сюда же пожаловал «миром» царь Иван. Небольшие отряды перешли границу и стали разорять принадлежащую шведам Финляндию. Однако каких-то серьезных столкновений не было. Вскоре монарх вернулся в Москву.

8 февраля 1572 года умер митрополит Кирилл. Кроме поставления приемника Кирилла, Освященный собор вынужден был решать и еще

* Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 132.

одну, крайне щекотливую проблему: Грозный просил духовенство дать ему разрешение на четвертый брак. Пикантность ситуации заключалась в том, что за двадцать лет до этого на Стоглавом соборе Русской церковью, со ссылкой на канонические правила, было принято решение, категорически запрещающее вступление в брак более трех раз. В главах Стоглава упоминаются слова Григория Великого о том, что четвертый брак является «нечестием, понеже свинское есть житие», приводится и история императора Византии Льва, который был отлучен от Церкви. Вообще же четвертый брак «и законни правила возбраняют, блудяй убо в себе единому неправду сию имеют. А иже четвертаго брака, яко рекши, себе смесив, поругается убо сим возбраняющим божественным и священным правилом, он убо, который разрушает божественных и священных правил, каковое имеет благочестие и каковый ответ ждет на Страшном суде, той убо и сам себе отлучи от славы Божия». В Стоглаве, со ссылкой на Василия Великого, указывается на то, что четырехженцам нельзя входить в церковь четыре года, а причастие запрещено на восемнадцать лет.

Таким образом, съехавшиеся в Москву архиереи были поставлены перед дилеммой: необходимо было «сохранив лицо» выполнить царскую волю. Собор состоялся 29 апреля 1572 года. Как говорится в источнике, Грозный «прислал по своих богомольцев» и пригласил их на «духовный совет». На этом «совете» Иван Васильевич сообщил духовенству, что все три жены были злодейски отравлены. Он уже собирался уйти в монастырь, но вспомнил о своих маленьких детях и решил вступить в четвертый брак. Теперь он просит разрешения и прощения. Иерархи, видя «такое царское смирение», прослезились и пошли навстречу, наложив сравнительно мягкое трехлетнее наказание. Впрочем, указывалось, что если государь будет в походе, то епитимью возьмет на себя само духовенство. Чтобы царский пример не оказался заразительным, Собор указал на недопустимость четвертого брака для всех остальных жителей страны.

В источниках имеются известия о том, что Иван IV некоторое время выполнял наложенные на него Собором ограничения и не входил в церковь, а стоял у дверей, однако уже через несколько месяцев Грозный присутствовал на богослужении. Можно предположить, что в тот момент царь считал себя находящимся в походе, то есть формально не нарушающим условий духовенства. Согласно сообщению А. Поссевино, который был в России в начале 1580-х годов, «государь каждый год исповедуется... в грехах, однако не принимает больше причастия, так

как по их законам не позволено... тому, кто был женат более трех раз»*. Отсюда можно сделать вывод о том, что Грозный не считал свои многочисленные браки нормальным явлением и стремился покаянием успокоить свою христианскую совесть. Разрешив Ивану IV очередной брак, архиереи приступили к избранию нового митрополита. Им в мае 1572 года стал архиепископ Полоцка Антоний.

Четвертой женой царя была Анна Алексеевна Колтовская, дочь коломенского дворянина. 1 июня 1572 года Грозный, под предлогом войны со Швецией, вместе с женой, детьми и двором оказался в Великом Новгороде. В город из Москвы была вывезена царская казна. Иван IV ожидал известий об исходе борьбы с новым крымским нашествием на Россию.

По слухам, Девлет-Гирей перед началом похода разделил Россию между своими мурзами, собираясь в полной мере восстановить господство татар над страной. Частные уступки, вроде Астрахани, хана не устраивали. Кроме крымцев к походу готовились ногаи, татар поддерживала турецкая артиллерия. Русское правительство также готовилось к решительной битве. Как обычно, рассчитывали остановить хана на Оке, берег которой сильно укреплялся частоколами, особенно в местах переправ. Весной на берег вышла объединенная земско-опричная армия. Часто опричные войска ставились в подчинение земским воеводам — Грозный понял, что разделение армии ослабляет ее боеспособность. Главнокомандующим был поставлен один из самых выдающихся русских полководцев, герой взятия Казани князь Михаил Воротынский. По сообщению позднего летописца, русская армия насчитывала около семидесяти тысяч человек, а в распоряжении хана было до ста семидесяти тысяч воинов. Скорее всего, это явное преувеличение. Более вероятно, что приведенные цифры надо разделить на два. В распоряжении русских был гуляй-город — подвижная крепость на колесах с разборными стенами, между стенами находились стрельцы и могли вести прицельный огонь по атакующим.

23 июля 1572 года началось вторжение. Татарская конница вышла к Туле, а 26-го числа попыталась перейти Оку. Сделать им этого не удалось. Вскоре к Оке подошел хан с главными силами. В ночь с 27 на 28 июля крымцам удалось найти слабое место в обороне берега и

* Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. С. 288—290; Акты Археологической экспедиции. Т. 1. С. 329—332; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 114, 119; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 24.

Битва русских с татарами
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

переправиться на северный берег через Сенькин брод. В авангарде татарской армии находился один из знатнейших мурз Дивей. Таким образом, остановить хана на берегу не удалось — татары прорвались в центральные районы России и устремились к Москве. К столице же стала отходить русская армия. Решающие столкновения произошли у местечка Молоди в 45 верстах южнее Москвы.

Русские установили гуляй-город и успели выкопать перед его стенами ров. За его стенами находился большой полк, остальные полки прикрывали его с тыла и флангов. Татары атаковали центр русской позиции. В кровопролитной битве обе стороны понесли тяжелые потери. В плен к русским попал один из главных командиров крымцев Дивей-мурза. Наступило затишье на несколько дней. Стороны приводили в порядок свои силы. Положение русских было достаточно тяжелым — не хватало продовольствия и воды. Находившийся в плену Дивей говорил воеводам, что он бы выморил весь гуляй-город за 5–6 дней. Вероятно, русское командование применило военную хитрость. Источники не дают однозначного ответа на вопрос, кто был

инициатором этого шага — царь или оставленный в Москве воевода князь Токмаков. Дело в том, что татары перехватили русского гонца, который показал, что из Новгорода на помощь русским движется свежая сорокатысячная армия под командованием короля Магнуса. Хан поверил этим сообщениям, тем более, что они были получены под пыткой. Однако Девлет-Гирей хотел любым путем добиться вызволения Дивея и 2 августа приказал своим силам штурмовать укрепления русских.

Этой атакой руководили ханские сыновья, дело доходило до рукопашной. Однако ворваться в гуляй-город татарам так и не удалось. К вечеру часть русских войск под командованием Воротынского скрытно вышла из укреплений и смогла зайти в тыл крымцам. По заранее установленному сигналу защитники укреплений во главе с князем Хворостининым атаковали неприятеля. Одновременно с тыла ударили войска Воротынского. Этот удар решил участь сражения. Хан стал быстро отступать. Среди погибших татар были его сын и внук*. Разгром крымцев в 1572 году — одно из выдающихся достижений русского оружия. После этого татарам долгое время не удавалось прорываться в центр России.

Ожидавший известий о исходе сражения под Москвой Грозный работал над своим завещанием. В отличие от духовных грамот московских князей в дошедшем до нас документе содержатся не только распоряжения о разделе владений между наследниками, а присутствуют многословные наставления детям и раскаяние во всевозможных грехах, в том числе тех, которые царь и не мог совершить в действительности. Иван IV уничижается перед Богом, он «разума нищетою содержим есмь», «ум убо острюпись, тело изнеможе, болезнует дух, струпии телесна и душевна умножишася, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая возаблагая, и ненависть за возлюбление мое. Душею убо осквернен есмь и телом окалях». Правитель горько жалуется на свое одиночество, но это — заслуженная кара, так как царь «в разбойники впадох мысленныя и чувственныя, помыслом и делом... Богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший... аз разумом растлен бых, и скотен умом... понеже самую главу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста разсуждением убийства, и блуда, и всякаго злаго делания, язык срамословия, и сквернословия,

* ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 224–225; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 70–72, 115–116.

Подготовка Москвы к обороне при нашествии крымских татар
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

и гнева, и ярости, и невоздержания всякаго неподобного дела... руже осязания неподобных, и грабления несытно, и продерзания, и убийства внутрення, ея же помыслы всякими скверными и неподобными оскверних, объядении и пианствы, чресла чрезъестественная блужения, и неподобнаго воздержания и опоясания на всяко дело зло, нозе течением быстрейших ко всякому делу злу, и сквернодеяния, и убивства, и граблением несытнаго богатства, и иных неподобных глумлений». За эти многочисленные грехи Грозный «изгнан есмь от бояр, самоволства их ради и скитаюся по странам».

Царь допускает даже, что его дети, царевичи Иван и Федор, не смогут, из-за противодействия «бояр», стать правителями и им придется бежать за границу. Если же все будет нормально и они останутся на Руси, то лучше бы им не разделяться, пока ситуация в стране не станет спокойной. Им следует быть едиными, не обижать друг друга, действовать совместно. Федор, как младший брат, должен подчиняться старшему, не составлять против него заговоров, не примыкать к недовольным, даже если ему будут предлагать увеличение владений. В некотором противоречии с собственной практикой, царь призывает детей на «лихих людей» «опалы класти не вскоре, по разсуждению,

не яростию», тех же, кто служит «прямо», следует «жаловать и любить, их ото всех беречь, чтобы им изгони ни от кого не было, и one прямее служат». Правитель, по мнению царя, должен сам все знать: «А всякому делу навывайте, и Божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу, и как котрыя чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет, то бы есте сами знали. Также и во обиходе во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере кто держится, тому б есте всему научены были. Ино вам люди не указывают, вы станите людям указывати».

В духовной грамоте обращает на себя внимание еще один момент: полное безразличие царя к своему детищу — опричнине. Вероятно, к лету 1572 года Грозный полностью разочаровался и в самой опричнине, и в большинстве опричников. Ее дальнейшее существование Иван IV передает на усмотрение своим детям: «А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят; а образец им учинен готов»*.

Однако подобные покаянные настроения, вызванные неизвестностью исхода «битвы за Москву», размышления о собственных грехах и смерти не привели царя к мысли о прекращении казней. В то же самое время в Новгороде по приказу монарха топили в Волхове «многих детей боярских». В начале августа стало известно о победе русских войск над крымцами. Царю были присланы захваченные в татарском обозе доспехи хана Девлет-Гирея и его личное оружие. Вскоре привезли и пленного Дивей-мурзу. Победа была отмечена торжественными богослужениями, во время которых Грозный находился в церкви (в нарушение недавно наложенной на него епитимьи). Возможно, он считал себя находящимся в походе, что автоматически снимало с него наказание. Царь пожаловал свое войско — у тех, кто отличился в боях, были увеличены размеры поместий и окладов**, а главнокомандующему Михаилу Воротынскому было возвращено отобранное у него еще перед введением опричнины звание слуги.

Поход против шведских владений был отложен, необходимо составить представление о состоянии армии, понесшей большие потери в 1571 и 1572 годах. Грозный вернулся в Москву. Осенью 1572 года

* Иоанн Грозный. Духовные песнопения и молитвословия. М., 1999. С. 115–140.

** Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 72.

произошло важнейшее событие — была отменена опричнина. Указ об этом не сохранился, но, по сообщениям иностранцев, было запрещено употреблять даже само слово «опричнина». Виновных наказывали кнутом. Свидетельства иностранцев подтверждаются другими источниками: в разрядах прекращается разделение служилых людей на земских и опричных.

Необходимо было принять меры к укреплению вооруженных сил. Экономическая ситуация в стране также оставляла желать много лучшего. В силу ряда причин происходило разорение основной массы населения — крестьян. Это вело к тому, что служилые люди не могли выполнять свои обязанности перед государством и разорялись сами. Кроме того, постоянные опалы, казни, войны, вся обстановка неуверенности в завтрашнем дне привели к тому, что в шестидесятые годы огромное количество земель поступило во владение церковных учреждений, в первую очередь монастырей. Происходила настоящая катастрофа вотчинного землевладения, переходившего в руки монахов, а это также влияло на боеспособность дворянского ополчения.

В такой ситуации правительство решило принять меры, направленные к ограничению роста церковных владений. 9 октября 1572 года «по государеву цареву и великого князя приказу» митрополит Антоний, архиепископы, епископы, Освященный-собор и «все бояря» во главе с князем И. Ф. Мстиславским приняли следующие решения, относящиеся к монастырскому землевладению: во-первых, в большие монастыри, «где вотчины много», запрещалось делать земельные вклады, даже если в завещании содержался подобный пункт, то землю все равно нельзя было записывать в Поместной избе. Вотчину следовало передавать родственникам покойного — «служилым людям», чтоб «в службе убытка не было и земля б из службы не выходила». Во-вторых, отныне наследникам запрещалось выкупать уже попавшие в обители земли. В-третьих, в небольшие маловотчинные монастыри вклады допускались, но лишь с ведома и одобрения самого царя и бояр*. Впрочем, постановления 1572 года во многом остались на бумаге и не имели серьезного практического значения — земельные владения монастырей продолжали увеличиваться.

Зимой 1572–1573 годов состоялся давно планировавшийся поход против шведских владений в Прибалтике. Армию возглавил сам царь.

* Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 37. С. 56.

Основные силы совершили поход к городу Пайда. 1 января 1573 года крепость была взята, но погиб ближайший советник царя, имя которого стало нарицательным, Малюта Скуратов. По его душе Грозный дал большую милостыню, а похоронили Малюту в Волоцком монастыре. Его родственники и после гибели продолжали пользоваться расположением царя, а на первые роли из них постепенно вышел Богдан Бельский. Неизменно расположен был Иван IV и к Годуновым, один из которых — Борис Федорович — был женат на дочери Скуратова. Вскоре Борис породнился и с самим царем — царевича Федора женили на сестре Годунова Ирине.

От Пайды в разные стороны были отправлены несколько воевод. Задачи штурмовать центр шведского владычества в Эстонии — Ревель — пока не ставилось. Отряд под командованием боярина Никиты Романовича Юрьева (родного брата царицы Анастасии) и короля Магнуса должен был взять замок Каркус, а рати под командованием Мстиславского следовало разорить окрестности Ревеля. Поход Мстиславского закончился неудачей — сам он был ранен, а один из воевод, Иван Андреевич Шуйский, погиб (его сын Василий в годы Смуты был царем)*.

После гибели Малюты Скуратова почти все видные опричники сошли со сцены — те, кто избежал прямой опалы, были отправлены на службу вдали от монаршей особы. Так, на южную границу был отправлен опричный думный дворянин Василий Грязной. На разведке он раненым попал в плен к крымцам. Узнав, что он был приближенным Ивана IV, хан захотел его обменять на Дивей-мурзу. Подобное предложение вызвало переписку между царем и бывшим опричником. В своем послании Грозный стремится показать свою заботу о «христианстве», то есть о народе. Он упрекает Грязного за то, что тот назвался «великим человеком»: «А что сказываешься великой человек — ино что по грехом моим учинилось (и нам того как угайти?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды». Царь вспоминает происхождение своего думного дворянина, который служил в уделе князя Владимира Андреевича и у князя Пенинского (одного из бояр Старицкого) «был мало что не в охотниках с собаками». Грозный готов дать выкуп за Грязного — две тысячи рублей — сумму по тем временам очень большую, а «доселева такие по пятидесят рублев бывали». Обмен же

* ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 225–226.

на Дивея невозможен по соображениям государственным: Дивей у хана «великий человек»: «за сына Дивеева дочь свою дал, а нагайской князь и мурзы ему все братья; у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася». Если же совершить такой обмен, то Дивей «приехав учнет воевати да неколко сот крестьян лутчи тебя пленит, что в том будет прибыток?». Грязному же «вышедши ис полону, столко не привесть татар не поимат, сколко Дивей крестьян пленит». В завершении царь говорит, что готов обменять Грязного «по мере» или выкупить.

Ответ думного дворянина также интересен. Оправдываясь, он пишет, что не назывался «великим человеком» и обмен его на Дивея — инициатива татарской стороны. В то же время, наряду с подчеркнутой покорностью любому решению царя, Грязной осмеливается упомянуть свои заслуги: «А аз, холоп твой, не у браги увечья добыл ни с печи убился». Вместе с тем: «Не твоя б государская милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки Бог и мала и велика чинишь»*.

Несмотря на отмену опричнины, Грозный не оставил своих подозрений в адрес бояр. Казни продолжались, хотя не имели уже столь массового характера, как в годы опричнины. Уже в 1573 году в опалу попал недавний триумфатор, победитель татар Михаил Воротынский. Что было причиной немилости — точно неизвестно. Одна из летописей указывает, что царю не понравилось уважение, с каким стали относиться к Воротынскому. Вместе с ним в опалу попали князь Никита Одоевский и Михаил Морозов.

Курбский пишет о том, что прославленный полководец был оклеветан одним из его слуг. Князя обвинили в том, что он хочет околдовать царя. Курбский даже предполагает, что Воротынского беглый слуга обвинил по тайному приказу самого Грозного, желавшего получить огромные земельные владения опального. Как бы то ни было, старого воеводу пытали на огне, и сам Иван IV подгрел угли своим жезлом, стремясь получить подтверждение обвинений. От пыток умер князь Одоевский. Воротынского же, полумертвого после ужасных пыток, царь приказал отвезти в тюрьму на Белоозеро, но по дороге знаменитый полководец умер**.

О негативном отношении Грозного к боярам говорит и еще один источник 1573 года — знаменитое послание в Кирилло-Белозерский

* Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 530—539.

** ПСРЛ. Т. 34. С. 225; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 72; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 338, 356.

монастырь — одно из самых замечательных литературных произведений, вышедших из-под пера царственного писателя. Чтобы понять его содержание, необходимо сказать несколько слов об отношении Ивана IV к обителю преподобного Кирилла. Это был один из самых любимых им монастырей, он неоднократно посещал его, жертвовал огромные суммы денег. Доходило до того, что царь заявил, что в случае если он соберется оставить мир, то примет постриг только в монастыре святого Кирилла. Монарх даже выделил деньги на устройство себе монашеской кельи.

Но вот в этом монастыре постриглись некоторые бояре: Шереметев, Хабаров и Собакин. Все эти лица в разное время вызывали гнев царя, некоторые побывали даже в опале. Но в монастырских стенах бывшие бояре не отказались от своих светских привычек, и между ними, в основном между Шереметевым и Собакиным, возникла вражда, в которую постепенно оказались втянутыми многие монахи. В конце концов сведения о беспорядках в обители от самих иноков дошли до Грозного, и он решился взяться за перо.

Послание начинается с самоуничужения царя: он даже игумену и братии «челом бьет» и просит освободить его от тяжелой обязанности высказывать свое мнение по вопросам монашеской жизни: «А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати и чем просветити? Сам повсегда в пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе». Лишь затем, как бы уступая, Грозный соглашается сказать несколько слов по интересующему монахов поводу. Поначалу это сравнительно мягкие упреки, постепенно переходящие почти в простонародную речь, сопровождающуюся руганью.

Основной упрек царя в адрес монахов — послабления в иноческой жизни, введенные для бывших бояр. Причем критикуется не только Белозерский монастырь, но и многие другие. Так, в Симонове, по словам царя, только одеждой монахи, а все делается как у простых людей. То же самое происходило и в Чудове монастыре. Крайне нелестная оценка дана крупнейшей русской обители — Троице-Сергиеву монастырю: монахи впали «в простое житие», и это видно всем, имеющим разум. Здесь иссякло благочестие, монастырь оскудел, никто в нем не постригается и никто ничего не дает. С особой язвительностью царь высказывается в адрес Сторожевского монастыря: «До чего допили? Того и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет». Высокой оценки правителя удостоились лишь несколько северных обителей: Дионисия Глушицкого и Александра Свирского.

В ситуации полного распада монастырской жизни лишь монастырь святого Кирилла был как образец. Но постригшиеся бояре и здесь смогли нарушить благочестие. Впрочем, изображение неприглядной картины монастырских порядков не было какой-то новостью. Например, в материалах Стоглавого собора 1551 года можно найти достаточно указаний на это. Новым было то, что царь обвинял в расстройстве правильной иноческой жизни не столько самих монахов, а бояр: «А бояре к вам пришед свои любострастные уставы ввели: ино то не они у вас постриглись, вы у них постриглись, не вы им учителя и законоположители, они вам учителя и законоположители». Именно бояре губят все благочестие: старший Шереметев — Троицу, Иона Шереметев, Хабаров и Собакин — Кириллов. Грозный возмущен тем, что современные ему постриженники различаются по своему происхождению, а это противоречит самому смыслу монашеской жизни: иноки равны. Это «ныне бояре по всем монастырям то испразнили своим любострастием». Если царь за что и критикует монахов, то за чрезмерное стремление к богатствам: «Не глаголи никто же студныя сия глаголы, яко “толькоко нам з бояры не знатся — ино монастырь без даяння оскудеет” ... святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространялися: благочестием монастыри стоят и неоскудны бывают». В конце послания Грозный задает неожиданный вопрос: не потому ли монахи заступаются за Шереметева, что его братия до сих пор ссылается с Крымом, наводит мусульман на христиан?*

Основной пафос послания направлен против бояр, по вине которых происходят все неполадки в обителях. Особый гнев царя вызывает то, что, «смутив» мир, они «смущают» и черное духовенство, которое должно быть примером для светских лиц.

Кроме борьбы с боярами и выведения очередной измены, в начале 1570-х годов царь был озабочен и еще одной проблемой. Дело в том, что летом 1572 года умер король Речи Посполитой Сигизмунд II Август. У него не было наследников, и династия Ягеллонов с его смертью пресекалась, а престол в этом новом государстве был выборным. В таких условиях появился большой соблазн добиться избрания на престол русского монарха или кого-нибудь из его сыновей. В этом случае все застарелые конфликты разрешались бы автоматически, можно было бы говорить и вообще об объединении Польши, Литвы и России

* Послания Ивана Грозного // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 144–168.

в одно государство. Как ни странно, но в Речи Посполитой также были сторонники русской кандидатуры. В состав Литвы издавна входили земли бывшей Киевской Руси, населенные православными, польская шляхта также не прочь была опереться в своей борьбе с магнатами на русского царя. Неофициальные переговоры проходили с различными литовскими посланниками, приезжавшими на Русь. В личных беседах с ними Грозный убеждал в том, что слухи о его жестокости сильно преувеличены и казнит он исключительно изменников. В случае же если его выберут, то он готов не только гарантировать права местного дворянства, но и еще больше расширить их.

Часть литовских магнатов также была не против русской кандидатуры. Но они хотели видеть на престоле не самого Ивана IV, а его сына Федора. К тому же, в благодарность за избрание царевича королем, Россия должна была отдать Речи Посполитой Полоцк и Смоленск. Однако подобный подход никак не устраивал русскую сторону: на переговорах царь отклонил все территориальные претензии, а сам попросил отдать ему Киев. Был и еще один спорный вопрос: Грозный требовал, чтобы в будущем все польско-литовские короли выбирались только среди его потомков. Эти требования никак не устраивали литовских дипломатов. Кроме того, Иван IV не посылал своих представителей на сейм, занимавшийся выборами, в то время как представители других стран делали избирателям предложения одно заманчивее другого. В конечном итоге сейм избрал королем французского принца Генриха Анжуйского из династии Валуа, который и был коронован в Кракове в феврале 1574 года.

После отмены опричнины в окружении Грозного появились новые лица, многие из которых были родственниками казненных в период террора. Одним из ближайших советников царя стал князь Борис Тулупов, сделавший головокружительную карьеру от оруженосца до члена ближней думы. Даже денежный оклад Тулупова был больше, чем в свое время у Малюты Скуратова. Тулупов смог и породниться с Иваном IV, выдав свою родственницу за царского шурина — брата царицы Анны Колтовской. В фаворе находились и Годуновы, и племянник Малюты Богдан Бельский. Значительную роль играли Колычевы. Однако близость к царской особе не гарантировала устойчивость положения — скорее наоборот. Уже в 1575 году положение Бориса Тулупова стало шатким — у него произошло столкновение с Борисом Годуновым, получившим за «бесчестье» одну из вотчин Тулупова. Тогда же почувствовали приближение опалы и Колычевы,

вложившие деньги на помин души в Троице-Сергиев монастырь. Вероятно, в ближайшем окружении Грозного шла борьба за влияние на монарха: в одну группировку входили Годуновы и Бельский, в другую — Тулупов и Колычевы.

Предвестником больших перемен в окружении монарха являлась его новая свадьба. Царица Анна Алексеевна Колтовская была отправлена в монастырь (она прожила долгую жизнь и умерла в двадцатые годы XVII века). На этот раз избранницей Грозного оказалась Анна Васильчикова. Свадьбу сыграли осенью 1574 года. По свадебному разряду видно укрепление позиций Годуновых и Богдана Бельского. Как мы уже упоминали, Борис Годунов выступал в качестве дружки со стороны царя и вместе с Бельским мылся в мыльне с царем*.

Ожесточенная борьба среди приближенных Грозного окончилась в 1575 году: к удивлению всех, царь в очередной раз отрекся от власти, а правителем сделал крещенного татарского царевича Симеона Бекбулатовича.

* Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 133.